

ТИЦИАНО ТЕРЦАНИ

ЕЩЕ ОДИН КРУГ НА КАРУСЕЛИ

Путешествие
в поисках исцеления
и смысла

АЛЬПИНА ПАБЛИШЕР

Тициано Терцани

**Еще один круг на карусели:
Путешествие в поисках
исцеления и смысла**

«Альпина Диджитал»

2004

УДК 92
ББК 87

Терцани Т.

Еще один круг на карусели: Путешествие в поисках исцеления и смысла / Т. Терцани — «Альпина Диджитал», 2004

ISBN 978-5-00-632395-7

США, Индия, Таиланд, Гонконг, Филиппины, Гималаи – все эти места объехал 59-летний итальянский журналист Тициано Терцани в поисках исцеления, когда ему диагностировали рак с неутешительным прогнозом. Что лучше: западный рациональный подход к здоровью или древние восточные практики? А может быть, нетрадиционная медицина и модные ретриты? Терцани рассказывает обо всем с юмором, а к чудотворцам-целителям относится со здоровой долей скепсиса. Свои приключения он описал в этой удивительной книге: яркой, захватывающей, доброй и мудрой. Терцани перемежает путевые заметки с тонкими философскими наблюдениями, которые основаны на его богатом опыте жизни в разных культурах. Путь Терцани поможет найти ответы на волнующие каждого человека вопросы о жизни и смерти, болезни и надежде, духовном и материальном. Это поразительно жизнеутверждающее произведение, после которого вы сможете по-новому посмотреть на себя и на мир вокруг.

УДК 92

ББК 87

ISBN 978-5-00-632395-7

© Терцани Т., 2004

© Альпина Диджитал, 2004

Содержание

От издателя	8
Начало пути	9
Коротких путей не бывает	9
Нью-Йорк	19
Физиономия в зеркале	19
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Тициано Терцани

Еще один круг на карусели: Путешествие в поисках исцеления и смысла

Знак информационной продукции (Федеральный закон № 436–ФЗ от 29.12.2010 г.)

Переводчица: *Ирина Беньковская*

Редактор: *Евгений Яблоков*

Главный редактор: *Сергей Турко*

Руководитель проекта: *Кристина Ятковская*

Арт-директор: *Юрий Буга*

Корректоры: *Татьяна Редькина, Алиса Вервальд*

Компьютерная верстка: *Павел Кондратович*

© Tiziano Terzani Estate

Published by arrangement with The Italian Literary Agency and ELKOST Intl. literary agency

© Издание на русском языке, перевод, оформление. ООО «Альпина Паблишер», 2026

* * *

ТИЦИАНО ТЕРЦАНИ
ЕЩЕ ОДИН КРУГ
НА КАРУСЕЛИ
Путешествие
в поисках исцеления
и смысла

Перевод с итальянского

АЛЬПИНА ПАБЛИШЕР

Москва, 2026

Все права защищены. Данная электронная книга предназначена исключительно для частного использования в личных (некоммерческих) целях. Электронная книга, ее части, фрагменты и элементы, включая текст, изображения и иное, не подлежат копированию и любому

другому использованию без разрешения правообладателя. В частности, запрещено такое использование, в результате которого электронная книга, ее часть, фрагмент или элемент станут доступными ограниченному или неопределенному кругу лиц, в том числе посредством сети интернет, независимо от того, будет предоставляться доступ за плату или безвозмездно.

Копирование, воспроизведение и иное использование электронной книги, ее частей, фрагментов и элементов, выходящее за пределы частного использования в личных (некоммерческих) целях, без согласия правообладателя является незаконным и влечет уголовную, административную и гражданскую ответственность.

От издателя

Летом 2013 года я в небольшой компании, ведомой опытным путешественником Сергеем Вертеловым, оказался в Королевстве Мустанг. Это осколок настоящего Тибета, затерявшийся в горах Непала. Там нет дорог, а столица, Ло-Мантанг, находится на высоте 3800 метров. Туристов в королевстве практически не бывает. Но тех, которые все же добираются, ждет зачастую королевский прием. Причем в прямом смысле – встреча с королем и королевой Мустанга. Из иностранцев в Ло-Мантанге мы встретили только группу итальянских кинодокументалистов, и как-то вечером мы с ними разговорились. В процессе этого разговора Антон, один из членов нашей группы, рассказал, что во многом привела его в горы Непала книга, написанная итальянцем и посвященная путешествиям в поисках волшебного лекарства и смысла жизни. Кроме того, она стала его самой любимой книгой. Итальянец спросил: а что за книга? Антон ответил: ««Еще один круг на карусели» Тициано Терцани». «Так это же мой отец», – сказал итальянец...

Эта история застряла где-то у меня глубоко в голове, но в то время ни к чему не привела. Уже потом, через много лет, находясь в процессе экзистенциальных размышлений, я вспомнил про эту историю и книгу. Тираж был давно распродан, и я с трудом купил экземпляр на «Авито». Прочитав ее, я подумал: это прекрасно написанная, добрая и мудрая книга, и она заслуживает переиздания. Думаю, что именно ее новое издание на русском языке становится настоящим завершением истории, начавшейся в далеком 2013 году. Теперь эта история, возможно, продолжится с вами, новыми читателями.

АЛЕКСЕЙ ИЛЬИН
Основатель и CEO
издательской группы «Альпина»

Начало пути

Коротких путей не бывает

Как известно, такое случается только с другими – с кем угодно, но не с нами. Вот и я всегда так думал. Поэтому, когда это все-таки случилось со мной, я не был к этому готов; поначалу мне показалось, что речь идет о ком-то другом. «Синьор Терцани, у вас рак», – сказал врач, но обращался при этом как бы не ко мне, и я тут же с удивлением понял, что действительно ничего не чувствую – ни потрясения, ни отчаяния. Происходящее словно меня не касалось.

Возможно, это безразличие было просто инстинктивной формой защиты, способом сохранить самообладание. Представьте, оно мне помогло, это безразличие. Всегда полезно посмотреть на себя со стороны. Если как следует потренироваться, этому можно научиться.

Следующая ночь в больнице прошла в размышлениях. Я представил себе, сколько людей до меня услышали здесь подобную новость; их незримое присутствие меня несколько приободрило – теперь было не так одиноко. Происходило это в Болонье. Сюда меня привела цепочка событий, каждое из которых было вроде бы пустяковым, но совокупность их, как это часто случается в жизни, оказалась для меня роковой. Непрерывающаяся диарея – еще с самой Калькутты; несколько обследований в Парижском институте Пастера, поиски причин непонятной анемии, бесконечные анализы. Наконец один прозорливый итальянский врач ввел в меня свой странный инструмент, нечто вроде резиновой змеи с пылающим оком, чтобы она заглянула во все закутки моего тела. Стоило змее очутиться у меня внутри, как врач, специалист с опытом, обнаружил своего старого знакомого.

Я был благодарен врачу за прямоту. Теперь у меня появились веские причины для подведения итогов; самое время определить свои приоритеты и спокойно принять необходимые решения. Мне вот-вот должно было исполниться 59; захотелось, подобно путнику, забравшемуся на горную вершину, оглядеться по сторонам, чтобы с удовлетворением оценить пройденный путь. Какой была моя прежняя жизнь? Да просто чудесной! Приключение за приключением, большая любовь, никаких сожалений, никаких незавершенных дел. Если бы в юности, отправляясь в этот путь, я наметил себе цель, к которой стремятся многие, – посадить дерево, вырастить сына и написать стихотворение, – можно было бы теперь признать, что в общих чертах она мною достигнута. Причем получилось это само собой, без особых усилий, почти играючи.

В ту ночь в больнице, в тишине, нарушаемой лишь шуршанием машин по мокрому асфальту да шагами сестер в коридоре, в сознании возник образ, который не покидает меня до сих пор. Мне представилось, что вся моя жизнь была катанием на карусели: я кружился в свое удовольствие на белой лошадке, и никто (только сейчас я это понял), никто ни разу не потребовал предъявить билет. А ведь его, билета, у меня и не было. Всю жизнь катался задаром. И вот пришел контролер, придется платить... но кто знает – если очень повезет, может, мне удастся сделать на карусели еще один круг.

Новый день начался как обычно. Ничто вокруг не изменилось; мир и знать не знал о бурях, которые бушевали у меня в голове. В Поретта-Терме, где я должен был пересестись на поезд до Праккы, чтобы оттуда добраться до Орсины, я даже вспомнил, что пора забрать из прачечной белье. Дома меня ждала Анджела; я предложил ей прогуляться по лесу. После 40 лет, прожитых вместе, нам с ней легко и говорить, и молчать. Я пообещал ей, что постараюсь выстоять. Признаться, я немного расклеился – в первый и единственный раз с тех пор, как узнал о диагнозе.

Надо было без промедлений решать, что делать дальше. Моим первым инстинктивным желанием, как у раненого зверя, было забиться в нору. Я решил ничего не сообщать никому, кроме детей и тех друзей, которым мое исчезновение могло показаться необъяснимым. Нужно было разобраться со своими мыслями, и я не хотел, чтобы меня отвлекали.

Сперва следовало выбрать, где и, главное, как лечиться. Химиотерапия, облучение, хирургическая операция... Я слышал о разрушительных последствиях такого рода лечения, которое больше не считают, как прежде, единственным выходом. В наши дни, когда принято все подвергать сомнению, когда официально признанное утратило прежний авторитет и любой считает себя вправе судить обо всем и обо всех, стало модным осуждать классическую медицину и нахваливать медицину альтернативную.

У этой самой альтернативной медицины много имен, одно привлекательнее другого: аюрведа, пранотерапия, иглоукалывание, йога, гомеопатия, китайские травы, рэйки. В конце концов, есть же еще и целители – филиппинские и всякие прочие. Всегда найдется человек, готовый пересказать какой-нибудь «случай из жизни». Они все такие красочные, эти истории, – как тут не поверить в чудесное исцеление! Только я и не думал принимать их всерьез.

С другой стороны, многие из этих практик пришли к нам из Азии, где я прожил 30 лет, а некоторые уходят корнями в Индию, где теперь у меня дом. Я и сам в прошлом обращался за помощью к восточным целителям. В Китае доверил своего 11-летнего сына Фолько тамошнему специалисту по иглоукалыванию, и тот избавил его от астмы. А всего год назад я сам отвез моего французского друга Леопольда в Дхарамсалу, к личному врачу Далай-ламы. Тот нащупал у него пульс «в семнадцати точках» и прописал черные пилюли от гепатита, похожие на овечий помет (и, как оказалось, в высшей степени эффективные). Кроме того, я сам неоднократно писал и говорил, что западный человек, устремившись вперед по автостраде науки, слишком быстро забыл о тропах древней мудрости и сейчас, навязывая Азии свой жизненный уклад, рискует погубить огромный пласт знаний, связанный с местными традициями.

И этого мнения я не изменил. Но когда речь зашла о моем собственном выживании, без колебаний решил довериться привычному – науке, западному «рацио». Альтернативная медицина нетороплива; эффект от лечения наступает не сразу, и, чтобы дождаться результата, нужно время, а его у меня в запасе было немного. Но причина была не только в этом. Просто в глубине души я этой самой альтернативной медицине не вполне доверял. А без веры в выздоровление в таком деле не обойтись.

Удача – неплохая штука; мне ее всегда доставалось побольше, чем полагается среднестатистическому человеку. Повезло и на этот раз. Среди моих коллег-журналистов, старых товарищей по работе в Азии, был корреспондент *The New York Times*, дважды награжденный Пулитцеровской премией. Нас с ним связывали давняя дружба и общий опыт. Его, как и меня, задержали в Китае и тоже выслали из страны; из всех возможных направлений журналистской работы он, как и я, неожиданно для всех выбрал Индию (не самое очевидное решение в плане карьерного роста). И еще одно совпадение: за пару лет до этого с ним случилась та же беда, что со мной теперь, – и он выжил. Я навестил его в Дели и попросил совета.

По словам моего знакомого, его, как он выразился, «ремонтировали» лучшие мастера своего дела. Я поверил ему. Звонок-другой по телефону, затем один факс – и вот спустя несколько дней я уже был в Нью-Йорке. Мое имя стояло 18-м в списке ожидавших нового экспериментального лечения на самом передовом рубеже современной западной медицины. Это заведение называлось Memorial Sloan-Kettering Cancer Center, сокращенно MSKCC, – когда выписываешь чек, рекомендуется использовать именно эту аббревиатуру, дабы не афишировать свое пребывание в Онкологическом центре даже перед собственным банком.

Когда вышла моя книга «Что сказал мне прорицатель» (*Un indovino mi disse*), многие расспрашивали о моих писательских планах. Я всегда отвечал, что книги как дети – мол, книгу сперва надо выносить, как женщина вынашивает дитя. И вообще, после долгих лет, проведен-

ных на Востоке, самое время открыть для себя самый крайний Запад – то есть Соединенные Штаты. Неплохой предлог, чтобы получить передышку. Было объявлено, что я улечу в Америку, чтобы «зачать и выносить» новую книгу; обо мне на время забыли.

Мне повезло снять квартиру возле самого Центрального парка. Я слегка оживил серые стены разноцветными индонезийскими тканями, водрузил на подоконник бронзовую китайскую статуэтку Будды. Эти несколько квадратных метров стали на пару месяцев моим убежищем.

Никто, кроме Анджелы и сотрудников Центра, не знал, где я. Телефон не звонил, никто не стучался в дверь. Единственным окном в мир, которое я оставил открытым, была электронная почта – эти послания в бутылке, которые время от времени выносило волной на кибернетический берег моего компьютера, где бы я в тот миг ни находился. На мой взгляд, это лучший способ общения, деликатный и неназойливый, если не использовать его по пустякам, не сбиваться второпях на неряшливую скороговорку и оставлять себе на память распечатки хороших писем, чтобы всегда иметь удовольствие их перечитать.

Ситуация была идеальной. Именно об этом я и мечтал: целыми днями принадлежать самому себе, никаких срочных дел, никаких обязательств. Истинное блаженство – отпустить сознание на волю, не одергивать себя постоянно, не твердить себе, что пора бы заняться делом. После непрестанного грохота я наконец наслаждался тишиной. Годами я только и думал, что о войнах, революциях, наводнениях, землетрясениях, социальных катаклизмах в Азии. Я был страстным наблюдателем; меня завораживали человеческие жизни – жизни, подвергаемые опасности, жизни разрушенные или, еще чаще, сознательно прожигаемые – словом, чужие жизни. Теперь же я наблюдал за единственной жизнью, имеющей ко мне непосредственное отношение. За своей собственной.

А понаблюдать было за чем. После новых обследований, после всех этих дежурных реплик – «вот смотрите, тут у вас небольшое подозрительное пятно», «нужно пройти еще одно обследование», «приходите через неделю», «сожалею, но мне придется сообщить вам плохую новость...» – выяснилось, что у меня не одна опухоль, а целых три, причем каждая со специфическими свойствами и требующая своего, особого вида лечения. Я выбрал химиотерапию, операцию и облучение, ни секунды не раздумывая, правильно ли поступаю. Более того, с каждым днем во мне росла уверенность в том, что все идет как надо и выбранный мною вариант – наилучший.

Никогда еще я так остро не ощущал свою материальность, никогда мне не приходилось так пристально следить за собственным телом, учиться держать его в узде, быть ему хозяином, не позволять ему взять надо мной верх, как бы оно, тело, ни изводило меня болью, судорогами, приступами тошноты.

Я осознал, насколько в годы работы в еженедельнике мои биоритмы и настроение, вплоть до приступов хандры, определялись сроками сдачи материала. Суббота и воскресенье – дни блаженства: пусть себе рушится мир – номер уже ушел в печать, добавить нечего. Вялый, апатичный понедельник (следующий выпуск только планируется, спешить некуда); за ним – вторник и среда (пора браться за работу: обдумывать новый сюжет, набрасывать черновики); лихорадочный четверг – день сдачи статьи; осторожный выдох облегчения в пятницу. А там снова все по кругу, неделя за неделей: репортажи – то с фронта, то из какой-нибудь столицы, где произошел очередной государственный переворот; путевые заметки о стране, душу которой я пытался понять; история, позвавшая в дорогу. А теперь мои понедельники ничем не отличались от пятниц – ни взлетов, ни падений, дни текли за днями, похожие друг на друга, как капли воды, восхитительно одинаковые. И никто, никто больше ничего от меня не хотел.

У каждого времени года свои плоды, и мое журналистское «время года» свои уже принесло. Привычные ситуации, знакомые проблемы. Хуже всего было то, что я повторялся. Нынешние мои статьи были, по сути, отголоском написанного мною лет за 20 до этого. Кроме

того, факты, те факты, за которыми я когда-то гонялся со страстью ищейки, уже не будоражили меня, как прежде. С годами я начал понимать, что за ними кроется нечто принадлежащее иному уровню реальности, – ухватить это «нечто» мне было не под силу. Кроме того, журналистика, особенно нынешняя, совершенно не интересуется подобными вещами. Продолжая заниматься своим ремеслом, я в лучшем случае смог бы бесконечно повторять самого себя. Болезнь предоставила мне отличную возможность перестать повторяться.

И это еще не все. Постепенно я понял, что рак стал для меня убежищем, чем-то вроде щита, за которым я укрылся от натиска внешнего мира, от банальности повседневной жизни, общественных обязательств, необходимости поддерживать беседу. Болезнь освободила от долга и вины. Наконец-то я был свободен, полностью свободен. Наверное, это прозвучит странно, но я был счастлив.

«Неужели, чтобы научиться радоваться жизни, нужно непременно заболеть такой болезнью?» – написал мне давний английский друг. Услышав о моем исчезновении, он тут же отправил мне электронное письмо, чтобы узнать, в чем дело, и мне пришлось поделиться с ним своей, назовем это так, «сенсационной новостью». «Да» – ответил я на его вопрос. Возможно, сейчас я переживаю хоть и не самый лучший, но, без сомнения, самый захватывающий период моего существования. По природе своей я странник. Вот и теперь рассматривал болезнь как очередное путешествие, в которое отправился не по своей воле, для которого не мог запастись географическими картами и к которому был совсем не готов. Но из всех моих странствий оно оказалось самым значительным, самым ярким и насыщенным, ведь все происходящее напрямую касалось меня. Ты здоров, и это отлично – насладись этим как следует, написал я своему английскому другу. Но если захочется приобрести любопытный опыт, попробуй всего один день вести себя так, будто у тебя рак, вообрази, что ты и вправду болен, и увидишь, как все вокруг предстанет в совершенно другом (возможно, истинном) свете.

В старину в Китае во многих домах было принято хранить приготовленные заранее гробы, чтобы не забывать о том, что все мы смертны; кое-кто даже ложился в такой гроб, когда нужно было принять какое-нибудь важное решение. Лежа в гробу, легче осознать, насколько все в мире тленно. Так почему бы не представить на мгновение, что ты болен и дни твои сочтены, – а они ведь и вправду сочтены, причем у каждого из нас! – чтобы осознать ценность каждого дня?

Индийцам об этой ценности напоминает притча о человеке, который, убегая от тигра, срывается в пропасть. Несчастный успевает ухватиться за ветку, но и та вот-вот обломится. Спасенья нет: сверху – тигр, внизу – бездна. И тут, на расстоянии протянутой руки, на приютившемся среди камней кустике земляники человек видит чудесную ягоду – алую, свежую. Он отправляет ее в рот... и понимает, что еще ни одна ягода за всю его жизнь не казалось ему такой сладкой, как эта, последняя.

Если мне и впрямь выпала участь этого бедняги, следует признать: ягода этих дней, недель и месяцев уединения и покоя оказалась восхитительно сладкой. Но я не смирился и вовсе не собирался падать в пропасть. Более того, я упорно искал выход. Я хотел помочь себе – но как? Могу ли я – с помощью своего сознания или как-нибудь еще – сделать так, чтобы ветка, за которую я уцепился, не обломилась под моим весом? А что, если я сам причина того, что подобное случилось с моим телом? Как мне тогда это исправить? У врачей, которым я задавал эти вопросы между обследованиями, ответов не было. Некоторые, правда, понимали, что их, эти ответы, стоит поискать, но дальше понимания дело не шло.

Как и журналисты, мои врачи основывались лишь на фактах, а то неуловимое, что за этими фактами могло таиться, их не интересовало. Я был телом – больным телом, которое следовало вылечить. Но ведь я еще и сознание, а может быть, еще и дух; я – целый ворох историй, опыта, чувств, мыслей, с которыми моя болезнь, возможно, очень даже связана! Казалось, никто здесь не желал или не мог принять это во внимание. В таком же ключе шло и лечение.

Атаке подвергался рак как таковой, рак, подробно описанный в учебниках, полных статистических данных о выживаемости и рецидивах; некий абстрактный рак. Но не мой.

В рамках научного, рационального подхода, который я избрал, моя болезнь рассматривалась как поломка в автомобиле. Я доверил себя врачам, как поломанную машину доверяют автомеханику. Автомобилю все равно, что с ним будет – починят или отправят под пресс. Но я-то был живым человеком. Я осознавал, что со мной происходит, и отчаянно хотел, чтобы меня «отремонтировали» и поставили на ноги.

И вот этому самому живому человеку многоопытные лекари-«автомеханики» не задавали практически никаких вопросов. Им вполне хватало и того, что мое тело доставлялось к ним в назначенное время, чтобы они могли подвергнуть его очередной процедуре.

Известно ли нам, что именно заставляет клетку обезуметь? Что вынуждает ее бросить свои обычные дела и превратиться в такую серьезную угрозу для жизни человека? С этим вопросом я пришел к молодому руководителю отдела исследований Онкологического центра. Я читал, что он не только нашел ответ на этот вопрос, но и стоит на пороге важного открытия. У него в руках якобы был ключ к коду, управляющему механизмом: щелчок переключателя – и здоровая клетка становится больной, и наоборот.

– Мы на правильном пути, но дойти до цели – задача посложнее, чем отправить человека на Луну, – сказал он мне.

То, что мне удалось понять, звучало впечатляюще; вдобавок так совпало, что этот молодой человек специализировался именно на моей разновидности болезни. И все-таки чем больше я его слушал, тем больше убеждался, что работа исследователя таинства жизни завела его совершенно в противоположную от меня – «человека-как-целого» – сторону. Впрочем, и от «меня-тела» он тоже был очень и очень далек. Неустанно двигаясь от частного к частному, от малого к еще более малому, он сумел проникнуть внутрь одного из миллионов кодов, содержащихся в ДНК миллиардов клеток тела. Но где же здесь место для меня? Возможно, есть и моя вина в том, что переключатель сработал не так?

– Нет, вы абсолютно ни в чем не виноваты. Все изначально содержалось в вашем коде, и вскоре мы сможем перезапустить механизм, который дал сбой, – сказал он.

Утешительные слова, что и говорить. Но у меня возникло впечатление, что он и его коллеги обольщаются. Как только они отыщут ключ от этой двери, окажется, что за ней таится следующая, потом еще, и еще, и еще, и для каждой нужен особый ключ, поскольку то, что мои дорогие ученые пытались найти, было на самом деле ключом ключей, комбинацией комбинаций. Речь шла о «коде Бога». Так как же они могли всерьез рассчитывать, что им удастся раскрыть эту тайну?

Нет, я никогда не терял веры в своих врачей. Просто чем ближе их узнавал, тем острее ощущал, что они как скрипка, у которой не хватает струны, и что они сами увязли в своем сугубо механистическом понимании проблемы и ее возможного решения. Некоторые из них видели мою растерянность; отдельные мои замечания их забавляли. К примеру, такое: «Почему бы не отказаться от милитаристского лексикона, которым все тут пользуются? Возможно, это помогло бы, – говорил я. – Сами посудите: рак у вас – это непременно враг, с которым нужно сражаться; терапия – оружие; каждая фаза лечения – битва». Болезнь постоянно рассматривается как нечто чуждое, проникшее в наше тело, чтобы натворить там бед; следовательно, ее следует разрушить, изничтожить, изгнать. Уже после первых нескольких недель сосуществования с болезнью подобный подход перестал меня удовлетворять и начал вызывать отторжение.

Со временем я свыкся с этим незванным пришельцем; начало казаться, что он стал частью меня – как рука, нога или голова (на которой к тому времени не осталось из-за химиотерапии ни волоска). Мне уже хотелось не атаковать свой рак в разных его воплощениях, а принять его, заключить с ним мир. По крайней мере я понял, что теперь, как ни крути, он уже никуда не

денется. Мой рак, пусть в дремлющем состоянии, останется жить у меня внутри, и оставшийся отрезок пути мы с ним пройдем вместе.

«Поднявшись утром с постели, первым делом улыбнитесь своему сердцу, своему желудку, своим легким, своей печени. От них очень многое зависит», – говорил Тхить Нят Хань, знаменитый вьетнамский монах-буддист; как-то раз он приехал в Дели, чтобы рассказать о медитации. Тогда я еще не знал, как мне пригодится этот совет. Теперь я каждый день улыбался и незваному гостю внутри себя.

Чем дольше я оставался на стороне науки и разума, тем больший интерес вызывали у меня такие вещи, как магия или безумные «альтернативные» методы, – иными словами, все то, что я поначалу отверг. Не то чтобы я полагал, что выбрал не ту дорогу (напротив, я бы посоветовал каждому оказавшемуся в моем положении первым делом довериться именно науке). Просто чувствовал, что, хотя эта дорога и лучшая из всех, ее возможности небеспрельдны и на других направлениях можно отыскать что-нибудь еще – не столько альтернативу, сколько дополнение.

Поэтому, как только нью-йоркские врачи-«ремонтники» сказали, что их работа на этом этапе завершена и они не хотят меня видеть в ближайшие три месяца (подумать только, целых три месяца – тогда этот срок казался мне вечностью), я отправился на поиски иных путей. После всех нокаутов, которые получил мой организм, нужно было дать ему немного отдохнуть. Следовало вывести из него все яды, которыми его пичкали, пытаясь вылечить. А главное, надо было привести в порядок мое сознание, которое уже успело свыкнуться с одиночеством. Мне хотелось, чтобы оно, мое сознание, вновь обрело гармонию с миром. Путешествие было для меня самым естественным способом достижения этой цели, и я собрался в дорогу, желая познакомиться с другими видами целительства, испробовать все лечебные средства и своими глазами увидеть все чудеса – одним словом, не упустить ничего, что могло бы мне пригодиться.

Первое, что я сделал, – вернулся в Индию, где жизнь более естественна, а человеческое общество радуется разнообразию, где время течет неторопливо и старое уживается с новым, где вопросами жизни и смерти задавались еще в далекой древности. Меня не было в Дели почти год. Когда я вошел в лавочку своего хорошего знакомого, старого ювелира из Сундар-Нагара, он трудился над подношением для статуи Кришны – гирляндой из дивно пахнущего жасмина.

– Что с вами? – спросил он меня. – Где вы пропадали?

– Я кочевал по больницам. У меня рак, – вырвалось у меня; никому другому я бы не сознался в этом вот так с ходу.

– Полагаю, теперь вы стали куда ближе к Богу, – спокойно отозвался он.

Так оно и было – но как же он об этом догадался?

– Знаете притчу про мусульманина, которого вышвырнули из дверей мечети и спустили с лестницы?

– Нет, не знаю.

– Всякий раз, ударяясь об очередную ступеньку, бедолага от боли взывал к Аллаху. Но, докатившись до самого низа, уже досадовал, что лестнице конец и больше ступенек не будет. Я думаю, с вами произошло то же самое.

Вообще-то я зашел к нему в лавку, чтобы купить себе зажим для банкнот взамен утерянного. Я и подумать не мог, что мне так повезет. Не представляю себе лучшего напутствия для того, кто собирается в путь на поиски чего-то – а чего именно, и сам не знает.

Так началось мое путешествие. Раз в три месяца я наведывался в Нью-Йорк на очередной осмотр, а все остальное время скитался по свету, следуя прихотливому маршруту своего любопытства: тут одна ниточка, тут другая... Зацепка, неожиданный поворот, обрывок истории, в правдивости которой мне непременно хотелось убедиться.

Я почти неделю провел в отдаленном уголке Индии, в старом аюрведическом центре, которым руководил молодой врач, знающий наизусть все священные тексты, связанные с вра-

чеванием. Он научился им у своего деда, а тот – у своего отца и т. д. Место было удивительно красивое, окруженное рисовыми полями, рядом руины древнего храма – по легенде, его основал сам Рама по пути на Шри-Ланку, куда он направлялся на поиски похищенной жены.

Там же, в Индии, я прошел курс обучения рэйки и даже получил соответствующий диплом. В Таиланде целых семь дней голодал в оздоровительном центре, специализирующемся на модной процедуре – колонотерапии. На севере Филиппин перед самым открытием Всемирного центра здоровья первым испытал на себе воздействие «Пирамиды Азии», возведенной по заказу самого известного из местных хилеров-целителей, который вдобавок накануне меня «прооперировал». В Центральной Индии довелось провести несколько дней в обществе мага-целителя, который готовил для меня из трав и коры свои зловонные зелья. Еще несколько дней находился в знаменитой традиционной больнице в Керале, где невозможно было толком выспаться, так как по ночам на больничном дворе трубил слон и непрерывно играли музыканты, славя покровительствующее аюрведе божество.

Еще я ездил в Бостон, где прослушал курс о «морских снадобьях» у молодого итальянца, бывшего хирурга, ставшего гомеопатом и живущего в забытой Богом долине в старой, переделанной под жилье сыроварне. Там он трудится над поиском научного обоснования своего метода, в котором, по его признанию, присутствуют элементы магии. Кстати, я испытал его снадобье на себе – и с отменным результатом!

Потом отправился в Гонконг, чтобы встретиться со старым китайцем, миллиардером и филантропом. Перед смертью он хотел оставить в дар человечеству лекарство от рака и потому вложил часть состояния в изучение и производство экстракта из гриба, который в китайской традиции всегда считался чудодейственным.

На севере Таиланда, в Чиангмае, я разыскал своего старого друга Дэна Рида, специалиста по даосизму и гимнастике цигун; каждое утро под его руководством я проделывал древние китайские упражнения, чтобы «вобрать в себя космическую энергию» – ту самую, о которой он написал целую книгу. Еще я побывал в Калифорнии, где с высокого берега открывается изумительный, переполняющий душу вид на беспредельный океан. Там, на семи ветрах, в затерянном на скалистом побережье маленьком селении, я участвовал в семинаре для онкобольных. Нас было девять, и о каждом из моих товарищей я храню воспоминания – забавные и трогательные. Сразу после этого познакомился с двумя индийцами: один был выдающимся учителем йоги, другой – музыкантом. Основная идея их курса заключалась в том, что при выполнении асан в человеке открываются некие каналы и музыка проникает в ткани и клетки тела, стимулируя жизненную силу. Не знаю как, но и это мне помогло! Их музыка проникла мне в самое сердце.

В Индии я попытался увидеться с Саи Бабой, которого считают чудотворцем, но, не застав его на месте, принял это как знак; видимо, мне не стоило с ним встречаться.

По дороге я посетил несколько буддийских святынь. Не один день провел в Бенаресе – месте, куда индийцы приезжают умирать, полагая, что тому, кто встретит смерть на этом берегу Ганга, не придется потом перевоплощаться снова и снова.

Но, как это всегда бывает, ищешь одно, а находишь другое. Моя обширная коллекция целителей то и дело пополнялась необычными и чудесными людьми: живущие подаянием блаженные аскеты; старый иезуит – психолог и гипнотизер; монах, с отроческих лет влюбленный в статую...

И повсюду я собирал истории – самые разные. Истории исцелений благодаря чудодейственному снадобью или экзотической процедуре; истории о тех, кто заплатил жизнью, отказавшись от обычной западной терапии и доверившись альтернативной медицине (таких тоже было немало).

Если для излечения от болезни, порожденной, как я считал, прежним образом жизни, мне следовало научиться жить по-новому, – я выбрал верный путь. Я общался теперь с совершенно другими людьми, решал совершенно другие задачи, мысли у меня теперь были другими,

да и сам я стал другим. Оставалось сделать только один шаг, переступить еще один порог. Причем порог этот был сугубо индийским.

Я решил провести три месяца в ашраме, подучить санскрит и поразмыслить над серьезным, исключительно важным вопросом, которым человек задается с давних пор, – центральным вопросом священной Веданты: «Кто я?». Ответ: «Я – корреспондент такой-то газеты, автор такой-то книги, больной, страдающий такой-то болезнью» – тут явно не годился, так что я попытался хотя бы формально перестать быть собой, отречься от своего имени и стать Анамом – «Безымянным». Остаться без имени – неплохой, как мне показалось, способ подвести черту под прежней жизнью, потраченной на то, чтобы это имя создать!

Это странный эксперимент – отказ от привычного «я». Как теперь завязывать отношения с людьми, как знакомиться, представляться? Кем ты был, что делал, где родился и с кем знаком – ничто из этого теперь не пригодится. Любопытное упражнение, советую попробовать, хотя бы во время отпуска!

И вот так, шаг за шагом, подсмеиваясь над собой и над тем, что со мной происходило, я перешел от лечения «меня-тела» в одной из лучших больниц мира к лечению «того-другого-который-как-мне-кажется-кроется-за-ним». Я жил в ашраме, изучал классические индуистские тексты, распевал ведические гимны, сидя на земле, ел руками из металлической плошки. Причем не диетическую пищу, которую когда-то так придиричливо искал в Нью-Йорке, а то, что давали, – главным образом это был отварной нут.

– Ну что, беседовал с Богом? – спросил меня старый друг, когда я, оказавшись проездом в Париже, зашел его навестить.

– Чтобы с ним побеседовать, нужно сперва его найти, – уклончиво ответил я. Возможно, он посчитал, что, пробыв столько времени в Индии, я в каком-то смысле сбился с курса. Ничего подобного. Я не стал ни индуистом, ни буддистом, не прибил к одному из гуру. Не вернулся и к религии своих земляков, хотя и открыл для себя вновь эту давно забытую радость – молча посидеть в старой прекрасной церкви, такой, как, например, флорентийская Сан-Миниато аль Монте, где все дышит древней верой.

Подобно многим, я нахожусь в поиске. Особых предрассудков у меня нет, новизна меня не пугает, быть смешным тоже не боюсь. Нашел ли я идеальное средство от своего недуга? Нет, не нашел, зато теперь, по крайней мере, точно знаю: его не существует – просто потому, что в мире вообще не существует коротких и легких путей. Короткие пути не ведут ни к здоровью, ни к счастью, ни к мудрости. И посоветовать тут нечего, каждый должен идти своей дорогой; одно и то же место может открыться двум путникам совершенно по-разному. То, что для одного лекарство, совсем не обязательно поможет другому – а для кого-то, возможно, и вовсе окажется ядом. Поди знай, чего ожидать, когда покидаешь надежное, привычное пространство науки, чтобы ринуться в неизведанное, туда, где в наши дни и не протолкнуться сквозь сутолоку пестрого люда – торговцев, шарлатанов и прохиндеев от альтернативной медицины, торговцев расфасованным воздухом.

Вот я и вернулся из странствий к началу своего пути. Означает ли это, что я вновь верю только в науку и разум? Считаю ли, что западный подход к решению проблем – лучший? Вовсе нет. Сейчас, более чем когда-либо, я знаю, что ничего нельзя отменить *a priori*, что в самом неожиданном месте можно обнаружить нечто ценное. Чудеса? Конечно же, они существуют, но я уверен, что каждый должен постараться сотворить свое собственное чудо. И главное – убежден, что наши знания о мире и о нас самих крайне ограничены, что за осязаемыми фактами кроется ускользающая истина, которую не поймать в сети, сотканые из наших ощущений, научных догм и так называемого здравого смысла.

Конечно, Запад добился впечатляющих успехов в изучении человеческого тела. Но, честно говоря, меня всегда обескураживает то, что наша медицина опирается на анатомию, на расчленение трупов. Порой я спрашиваю себя: можно ли понять тайну жизни, изучая мертве-

цов? При этом Запад совершенно не продвинулся вперед (скорее, даже отступил назад) в том, что касается познания незримого, неосязаемого, невесомого – того, что поддерживает жизнь в теле, связывая его с остальными формами существования, и делает его частью природы. Психоанализ и психология еще только скользят по поверхности этого «незримого», словно робея перед великой тайной, к которой ни одна наука – именно в силу своей природы – никогда не сможет подступить.

Поэтому у медицинских научных исследований нет другого пути, кроме как, пренебрегая целым, пытаться проникнуть в частное, переходя от малого к еще меньшему. Но почему бы не представить себе другое исследование, необязательно строго научное, которое бы двигалось в обратном направлении – от малого к большому?

Может, потому, что неосознанно хотел видеть в своей болезни нечто большее, чем просто проблему с осатаневшими клетками, или потому, что хотелось найти какое-то решение, не связанное с «испорченным переключателем» моей ДНК, я оказался в Гималаях, в хижине, сложенной из камней, обмазанных глиной. И там с легким сердцем, без желаний, без честолюбивых стремлений, пребывая в мире с самим собой, увидел, как в небе забрезжили первые солнечные лучи нового тысячелетия. Я глядел на этот рассвет, будто в первый день творения, а тем временем самые высокие в мире вершины выплывали из вселенской тьмы, чтобы вспыхнуть розовым огнем и одарить меня надеждой на будущее в этом вечном чередовании рождений и смертей.

Целыми неделями – весной, когда всюю сияло солнце, или зимой, когда метровым слоем снега заваливало вход, а дубы и рододендроны стояли как ледяные гиганты, – я наслаждался гостеприимством восьмидесятилетнего мудрого индийца, поглощенного единственным делом – размышлением о смысле жизни. Когда-то он был знаком со всеми великими учителями своего времени, а теперь живет в тишине и уединении, убежденный, что истинный великий Учитель пребывает внутри каждого из нас. По ночам, когда тишина становится такой осязаемой, что можно услышать ее таинственный гул, он встает, зажигает свечу и садится перед ней. Так он проводит час-другой. Чем же он занят в это время?

– Пытаюсь быть самим собой, – так сказал он мне. – Расслышать мелодию.

Время от времени, после очередной лесной прогулки по следу местного леопарда, который как-то раз ночью съел его сторожевую собаку, он поднимался ко мне по деревянным ступенькам, а я на маленькой газовой плитке кипятил воду из ближайшего родника, чтобы заварить две чашки китайского чая из своих запасов.

– Силы видимые и невидимые, осязаемые и неосязаемые, мужские и женские, темные и светлые – словом, все силы Вселенной сообща устроили так, чтобы мы с тобой в этот час могли сидеть здесь у огня и пить чай, – говорил он посмеиваясь, и смех этот сам по себе уже дарил радость. То и дело цитируя Плотина и Боеция, Упанишады и «Бхагавадгиту», Уильяма Блейка или какого-нибудь суфийского мистика, он углублялся в одну из своих оригинальнейших теорий об искусстве и музыке или признавался в своем «первородном грехе», заключавшемся, по его словам, в том, что для него «быть» всегда было куда важнее, чем «делать».

– А мелодия? – спросил я его однажды.

– Это непросто. Нужно всегда быть наготове, и тогда временами ты сможешь ее расслышать. Это мелодия глубинной, внутренней жизни – той, что лежит в основе всех жизней; той, в которой всему есть свое место, где все есть часть единого целого – добро и зло, здоровье и болезнь; той, в которой нет ни рождения, ни смерти.

Прошли дни, и теперь, глядя на эти великолепные горы (неизменные, незблемые – истинное воплощение постоянства – и в то же время такие же изменчивые по природе своей, как и все в этом мире), радуясь общению с другом – этой прекрасной старой душой, встреченной на моем пути совершенно случайно, я чувствую, что мое долгое и непростое путешествие, которое началось в болонской больнице, близится к завершению.

Я приступаю к описанию своих поисков, потому что знаю: опыт странника, преодолевшего часть трудного пути, придает смелости тому, кто только-только начал собираться в дорогу. И еще потому, что путешествие мое вскоре обернулось поисками лекарства не столько от рака, сколько от болезни, которой подвержены мы все: от смерти.

Но болезнь ли это – наша обреченность на умирание? Стоит ли этого бояться, считая неким злом, которого следует сторониться? Может, и нет.

– Представь себе, во что превратился бы мир, если бы все были бессмертны и нам пришлось бы толкаться тут вместе с теми, кто жил прежде! – сказал однажды мой старый товарищ, когда мы с ним гуляли по лесу. – Главное – понять: жизнь и смерть – две стороны одного целого.

Осознать это – и есть цель путешествия, в которое все мы отправляемся, когда рождаемся на свет, – того самого путешествия, о котором сам я не так уж много знаю. Одно могу теперь сказать с убежденностью: путь лежит извне – вовнутрь, от малого к большому.

Последующие главы – это рассказ о том, как шаг за шагом, неуверенно нащупывая дорогу, я двигался в этом направлении.

Нью-Йорк

Физиономия в зеркале

Все происходило словно в аквариуме – и рыбой в нем был я. Выпучив глаза, хватая воздух разинутым ртом, в тишине, защищенный от непогоды, напичканный антибиотиками (мне даже прививку сделали, чтобы уберечь от простуды, которая могла стать для меня роковой), в одиночестве, в безопасности в своем сосуде, я созерцал, иногда часами не двигаясь с места, мир, который едва колыхался там, за стеклянной стеной. Это был Нью-Йорк.

Квартира находилась на пятом этаже – достаточно низко, чтобы наблюдать за происходящим на улице, где без остановки шел спектакль под названием «жизнь», но при этом достаточно высоко, чтобы в большом окне, обращенном на север, были видны деревья Центрального парка, а за ними контуры небоскребов.

Я, подобно настоящей рыбе, воспринимал этот странный мир за стеклом с его приглушенными, словно сквозь вату, звуками как нечто далекое и нелепое. В голове было пусто, я неспособен был четко мыслить, кости ныли, руки и ноги ослабели. И все это копошение огромного количества людей там, снаружи, – людей, которые сновали туда-сюда, встречались, здоровались друг с другом и разбегались в разные стороны, – настолько разительно не совпадало с моим собственным ритмом, что иногда меня разбирал смех, будто я смотрел старый фильм Чарли Чаплина.

Размеренное движение солнца, которое четко вставало и садилось за стеклом моего аквариума, больше не управляло моими биоритмами. Часто я засыпал среди бела дня, зато бодрствовал ночью, когда от воя полицейских сирен, пожарных машин и карет скорой помощи некуда было деться и потому темнота еще более угнетала.

Месяцами это окно скрашивало мое одиночество: отсюда я то наблюдал сверху за марафонским забегом, то смотрел, как снег засыпает город, как гоняются друг за другом белки под голыми деревьями – потом, весной, их уже не было видно среди зелени. Отсюда следил за житейскими перипетиями симпатичных бродяг. Устроившись на скамейках в окружении своих узлов и пакетов, они радовались солнцу куда больше, чем все эти деловые люди, которые спешили, ничего не замечая вокруг. Я пытался предугадать, что ждет в большом городе девушку, вышедшую из автобуса с огромной дорожной сумкой через плечо; одежды в этой сумке наверняка было совсем немного, зато там хранилось множество планов и надежд на будущее. Отсюда, из этого окна, я наблюдал за прелюбопытными отношениями между собаками и их хозяевами (и за взаимоотношениями не менее занятыми – между владельцами собак). Просто удивительно, сколько всего можно узнать, сидя у окна, и сколько можно насочинять о жизни других людей, отталкиваясь от любой подмеченной мелочи, любого жеста.

Даже такое непритязательное, обезличенное место может стать для человека своего рода домашним очагом. Сколько раз, возвращаясь с прогулки, чувствуя, как капли холодного пота стекают по спине, я считал шаги, предвкушая, с какой радостью открою дверь квартиры 5/С и почувствую въевшийся запах наемного жилья, который я напрасно пытался перебить сандаловыми курительными палочками.

Вселившись сюда, я первым делом задрапировал цветастыми индонезийскими батиками все зеркала, которые развесил тут кто-то из прежних обитателей, чтобы комната выглядела просторнее. Незавешенным оставил лишь одно, над умывальником, и теперь каждый раз, заходя в ванную, видел в нем какого-то лысого типа с одутловатым желтым лицом; он нахально пялился на меня и корчил гримасы, прикидываясь, будто мы с ним знакомы. На самом деле я никогда прежде его не встречал. Тем не менее он всегда был там, в зеркале, – стоило только

открыть дверь. Иногда он даже ухмылялся мне и от этого казался еще противнее. Но собственное уродство его нисколько не смущало, и он продолжал по-своему общаться со мной. Говорил, что мы с ним знакомы почти 60 лет. Утверждал, что он и есть я. Пришлось потихоньку привыкать к этому моему новому «я» – грузному, мертвенно-бледному, без единого волоска на голове.

Для китайцев красиво стареть – искусство, отточенное веками. Прожив среди них не один год, я тешил себя надеждой, что хоть немного ему научился. Мне нравилось думать, что когда-нибудь я стану седовласым старцем, возможно, с красивыми густыми бровями, как у утонченного эстета Чжоу Энляя, председателя Госсовета при Мао, – свои брови он наверняка холил и расчесывал. Я же не мог предвидеть, что когда-нибудь мне придется прибегнуть к химиотерапии. Но и химиотерапия тоже не на того напала! Чтобы не вычесывать каждый день клочья выпадающих волос, я перед самым курсом «химии» попросил знакомого парикмахера Анджело обрить меня наголо якобы для смены имиджа – а шевелюра у меня была почти до плеч.

– Я уже закрываю, приходите завтра, только за ночь обдумайте все хорошенько, – сказал Анджело. – Еще не хватало, чтобы вы мне потом парикмахерскую подожгли.

На следующий день он все-таки выполнил мою просьбу; правда, усы отказался сбривать наотрез, и мне пришлось сделать это самому.

Усы я носил с 1968 года, когда Ричард Никсон победил на президентских выборах, а я, тогда студент Колумбийского университета, проиграл пари. За эти почти 30 лет усы стали частью меня – того, каким я себя видел, так что меня самого потом удивило, как быстро я от них отвык.

Однажды я услышал от своего старого школьного товарища Альберто Барони, ныне известного во Флоренции геронтолога, такую фразу: «Старики, которые всю жизнь тряслись над своей внешностью, особенно страдают, когда инфаркт, паралич или любая другая болезнь разрушают их имидж». Я хотел одолеть болезнь, поэтому от прежнего меня – усатого и косматого – следовало избавиться.

Последний день оказался примечательным во всех отношениях. Еще не расставшись с прежним лицом (чтобы банковские клерки меня узнали и оплатили чек), я отправился в Итальянский коммерческий банк на Уолл-стрит – снять со счета солидную сумму (теперь мне необходимо было иметь при себе наличные). Светило солнышко, дул ветер, и я – пока прежний я – весь в белом, еще полный сил, усатый, с развевавшейся шевелюрой, шел вдоль Пятой авеню, разглядывая себя в витринах. Пройдет всего несколько часов – и мне больше не быть таким, как это отражение. Мысль о том, что скоро я стану другим человеком, почти забавляла. Не раз доводилось встречать людей, которые, насколько мне было известно, жили двойной, а то и тройной жизнью. И я бы так хотел, да не умел. Зато теперь можно сказать, что я проживу две жизни – правда, не одновременно, а одну за другой... Возможно, проживу – так будет точнее.

– Эй, Тициано, а ты что делаешь в Нью-Йорке?

Возле магазина Уолта Диснея, приветственно раскинув руки, передо мной стоял со своей женой давний коллега из «Либерасьон».

– Ну и ну, не ожидал тебя здесь увидеть. Ты, как всегда, в белом, мы тебя издали узнали. Не поужинать ли нам сегодня вместе?

В последний раз мы встречались в Улан-Баторе; он сказал, что пишет исторический роман, действие которого происходит там же, в Монголии.

– Ну как, дописал роман? – спросил я.

– Да какое там! Накатал уже больше тысячи страниц, а он все разрастается, разбухает... Хуже раковой опухоли! Растет, понимаешь, растет... Но ничего, я не сдаюсь.

Я расхохотался, но ни он, ни его жена – маленькая, изящная лаоска – не поняли, что меня так рассмешило. Интересно, не я ли подсознательно внушил ему такое сравнение? Я проборотал извинения за то, что не могу поужинать с ними, и сбежал.

До встречи с парикмахером Анджело нужно было обновить свой гардероб, точнее, решить, во что одеть этого «нового меня». Сомнений не было: если я действительно хочу справиться со своим недугом, не следует ни о чем жалеть, нельзя ностальгировать по прошлому и, главное, не следует обольщаться надеждой, что когда-нибудь я стану прежним – даже если сумею выкарабкаться. Поэтому нужно было поскорее покончить с этим субъектом, прежним мною – общительным, стремящимся каждому понравиться, слегка самоуверенным, всегда одетым в белое, – с тем самым Тициано, у которого в организме вдруг взбесились клетки. А почему, интересно, они взбесились? Может, именно потому, что я прежде был именно таким! И теперь мне нужно было изменить себя, не цепляться за прежний образ жизни, за привычки и любимые цвета прежнего Тициано. Не то чтоб я безоговорочно доверял всему, что рождалось в моей голове, – просто не мешал своим мыслям развиваться, наблюдая за ними как бы со стороны.

В Нью-Йорке никогда не прекращаются распродажи. Последней уловкой, призванной подтолкнуть людей потреблять все больше и больше и покупать то, что им совершенно не нужно, стал девиз «Два по цене одного». На одной из улиц, по которой я брел, стараясь каждый день выбирать новый маршрут, я наткнулся на большой магазин с названием, будто нарочно придуманным для меня: «Дешевая одежда для миллионеров». Миллионером я никогда не был, но всегда чувствовал себя таковым. Что касается одежды, то всегда носил дешевые вещи; роскошные магазины с дорогими тряпками никогда меня не привлекали. А вот здесь, среди уцененной и вышедшей из моды одежды приличных брендов, можно было откопать очень много интересного. За несколько минут и за пустяковую цену я приобрел все составляющие своей новой униформы: два спортивных костюма, синий и черный, кроссовки, гетры, перчатки – и, наконец, два красивых шерстяных берета, чтобы прикрывать тот бильярдный шар, в который вот-вот должна была превратиться моя голова.

У раковых клеток зловерное свойство: они склонны стремительно и неукротимо размножаться. При химиотерапии используется смесь сильнейших компонентов (именуемая для благозвучия «коктейлем»), которая, циркулируя вместе с кровью, разрушает такие клетки. Проблема в том, что другим клеткам тоже достается. Увы, ни в чем не повинные здоровые клетки волос, нёба, языка, стенок кишечника подвергаются такой же свирепой атаке, что и больные. «Выходит, это все равно что поливать напалмом тысячи деревьев, чтобы расправиться с одной-единственной сидящей на пальме несчастной обезьянкой», – сказал я медсестре, когда она старательно готовила первый коктейль, которым меня собирались «бомбить».

Мне стало так жалко мою воображаемую обезьянку! А потом я подумал о людях. О вьетконговцах. О том, как американцы во время вьетнамской войны обрабатывали дефолиантами огромные лесные территории, губя всю растительность, – только затем, чтобы помешать партизанам прятаться в джунглях и находить пропитание. Это казалось мне отвратительным, я ненавидел такую логику, а вот сейчас приходилось применить ее к себе ради собственного спасения. Наблюдая, как первые огненно-красные капли одна за другой вытекают из прозрачной емкости, проходят по пластиковой трубке и медленно проникают мне в вену сквозь иглу, воткнутую в левую руку, я чувствовал, что они уже действуют.

Результат оказался быстрым и ошеломляющим: рот наполнился сильнейшим железным привкусом, голова вспыхнула, как от струи напалма, и этот жар растекся по всему телу, проник в каждый уголок и добрался до кончиков пальцев. Я сидел в удобном кресле, как астронавт в космическом корабле, любовался цветами на подоконнике – скромными, но живыми, и слушал, как милая молодая медсестра рассказывает мне о своей заветной мечте: хочет жить в Калифорнии, в домике у моря. Мне было спокойно, я чувствовал себя в надежных руках. Мне

нравился яркий, почти светящийся цвет жидкости, что входила в мое тело, — этот цвет казался мне признаком того, что она непременно подействует, и я даже огорчился, когда красный раствор закончился и девушка подсоединила к капельнице новый флакон с последним компонентом коктейля. Он оказался бесцветным, как вода, и я не мог себе представить, что от него будет хоть какая-то польза. Я посоветовал окрасить эту жидкость в какой-нибудь красивый цвет — изумрудно-зеленый или сиреневый, чтобы подкрепить химическое еще и психологическим. Медсестра рассмеялась: «Что ж, неплохая идея!»

Она была очень наблюдательна. Следя за пациентами, замечала, что каждый из них переносит химиотерапию по-своему. Кто-то медитирует, кто-то берет с собой плеер, чтобы слушать любимую музыку. Есть и такие, которые мечтают, страдают; процедура для них — буквально пытка, потому что они не подготовлены к ней психологически, не видят в ней шанса на выздоровление и, главное, не желают смириться с последствиями лечения, с побочным эффектом, который скоро даст о себе знать.

— А вот вас, похоже, все забавляет, — сказала она мне.

Выбора, собственно, у меня не было, так что «хорошая мина при плохой игре» казалась естественной моделью поведения.

«Химия» была первым этапом, предусмотренным оптимальной стратегией выживания, которую разработали для меня специалисты Онкологического центра после недель обследований, наблюдений и консультаций. Так сказала мне мой лечащий врач, уверенная в себе, серьезная женщина лет 50 — худощавая, суровая, немногословная (правда, временами ее лицо освещала очень мягкая улыбка). Уже в первую нашу встречу я почувствовал, что могу довериться ей, и, не колеблясь, так и сделал. После «химии» — коктейля, приготовленного для меня по особому рецепту миланских врачей, о которых она отзывалась с большим уважением, — мне предстояла операция. А когда швы заживут, придет очередь облучения по новой экспериментальной методике, разработанной израильским врачом, возглавляющим сейчас в Центре отделение радиологии.

Радиолог, невысокий, крепкий, с фрейдовской бородкой, живо интересующийся всем на свете, казалось, просто излучал надежду на выздоровление — ему можно было даже аппаратуру свою не включать. По крайней мере, так мне казалось. Увидев его, я сразу же решил принять участие в его «эксперименте». В списке пациентов я был у него 18-м.

— А что же остальные 17?

— Все выжили.

— И сколько времени уже прошло после терапии?

— Два года... Собственно, мы только два года ее применяем.

С тех пор я прозвал его Излучателем.

Хирург предстал передо мной в брюках цвета хаки и джинсовой рубашке. Невысокий, полный, светловолосый, с пивным брюшком — пожалуй, в нем текла тевтонская кровь. В буквальном переводе его фамилия звучала как «Властелин» или даже «Господь». На меня произвели сильное впечатление его уверенные голубые глаза и маленькие руки с тонкими сильными пальцами. Подумалось, что, будь я Людовиком XVI, идущим на гильотину, мне хотелось бы, чтобы палач был столь же надежным. Хирург производил именно такое впечатление: видно было, что он абсолютно уверен в своих действиях и точно знает, что именно должен удалить, предварительно раскроив меня одним махом от пупка до спины, а что оставить на месте. Правда, о том, не собирается ли он в процессе работы вынуть у меня ребро для известной надобности, «Господь» деликатно умолчал.

— Каковы мои шансы на выживание? — спросил я у него.

— Просто великолепные — если, конечно, вы не умрете от того вашего другого рака.

Что ж, это лучше, чем ничего. Тем более когда тебе это говорит «Господь» (или «Творец», как я стал про себя его называть).

Каждая из этих фаз предварялась сеансом Спелеолога, юного специалиста в области эндоскопии, способного со своей крошечной телекамерой забраться туда, откуда нужно было взять ткани на анализ. Раз 10 он проникал в недра моего тела, и, думаю, никто не может похвастаться, что знает меня изнутри лучше, чем он.

Все эти дела заняли в общей сложности месяцев шесть-семь. Я пытался уговорить докторшу, координировавшую все этапы «ремонта», сократить сроки и отказаться от некоторых процедур.

– Может, стоит повременить с операцией? – спросил я.

Глядя мне прямо в глаза, она отрезала путь к бегству:

– Mister Terzani, you wait – you die. (Помедлите еще – умрете.)

Если промедление и вправду означало расставание с этим светом, выбора у меня не было; больше я не стал спорить.

«Химия» мне нравилась. Я ухватился за нее как за веревку, которую кто-то бросил мне, чтобы спасти и от тигра наверху, и от пропасти подо мной. Старался осознанно воспринимать каждую каплю, следить за каждой реакцией организма, сосредоточиться на том, как действует это лечение. Химиотерапия стала началом другого отпущенного мне отрезка существования, еще одного круга на карусели. И мне нравилось, что на больничном жаргоне день инъекции назывался Day One. Для меня тоже это был «день первый» – первый день новой эры, моей второй жизни.

Когда спустя часа два девушка помогла мне подняться, я почувствовал страшную усталость. Кости болели так, словно меня долго колотили дубиной, но я заранее знал, что так будет, и собрался с силами, чтобы вернуться домой пешком через Центральный парк. Обычно на это уходило полчаса, теперь понадобилось вдвое больше. Ощущение было такое, будто плыву в воздухе, как в наркотическом сне, но я был рад, что доплелся домой сам. Докторша подбодрила меня, посоветовав по возможности продолжать занятия гимнастикой и побольше двигаться. В числе рекомендаций насчет того, что делать и чего не делать, она попросила меня как можно больше пить, пропускать через себя до трех-четырёх литров воды в день, чтобы вывести из организма убитые «химией» клетки. Я скрупулезно выполнял все указания. В этой вере во врачей, в тщательном выполнении их предписаний было что-то утешительное, и я чувствовал, что это сильно мне помогало. Как молитва. Однако молиться-то я как раз и не умел. Мне казалось немного смешным беспокоить Бога – или кого бы то ни было там наверху – просьбами заняться моими болезнями. И без того столько хлопот со всей этой Вселенной, не хватало еще и со мной возиться...

Между двумя коктейлями полагалось две недели перерыва, и в течение них я должен был по определенной схеме принимать целый ряд лекарств. К тому же сам делал себе маленьким шприцем инъекции стероидов в складку живота. Стероиды должны были способствовать воспроизводству белых шариков, но вызывали боли в костях, особенно в области таза и в груди. Целью этого двухнедельного перерыва было прежде всего дать организму оправиться после «бомбардировки» и заставить тело вернуться к некоему подобию нормальной жизни, чтобы можно было нанести следующий удар.

Тело. Тело. Тело. Любопытная вещь: пока все нормально и человек здоров, он не замечает, что у него есть тело, не задумывается над тем, как оно работает. Но стоит только заболеть, как тело тут же оказывается в центре нашего внимания. Простые действия – вдохнуть-выдохнуть, сходить, как говаривали наши старики, по малой или большой нужде – вдруг приобретают первостепенное значение, становятся источником боли и радости, вызывают облегчение или угнетают. Следуя полученным инструкциям, я наблюдал за всеми функциями тела и старался отмечать всякие отклонения. И при этом все больше осознавал свою зависимость от него: его состояние определяло теперь мое настроение, и моим различным «я» – «я-разуму»,

«я-сознанию», «я-тому», «я-другому» – приходилось предпринимать серьезные усилия, чтобы не стать его, тела, рабом.

Мысль о том, что при наличии сильной воли можно быть свободным даже в тюрьме, всегда казалась мне убедительной. Вот один из самых прекрасных примеров, совсем свежий: Палден Гьяцо, тибетский монах, которому удалось выжить после 33 лет пыток и изоляции от внешнего мира в китайских застенках, сохранив духовную свободу. Но до какой степени можно оставаться свободным, когда ты пленник собственного тела? И что такое эта благословенная свобода, о которой сегодня мы все столько говорим? Ответ можно найти в одной древней восточной притче.

Жил-был царь, и славился он своей мудростью. Приходит как-то раз к нему человек и спрашивает:

– Скажи мне, о повелитель, есть ли на свете свобода?

– А как же, – отвечает ему тот. – Сколько у тебя ног?

Человек оглядывает себя, удивленный таким вопросом.

– Две, о повелитель.

– А можешь ли ты стоять на одной ноге?

– Могу.

– Так попробуй, только реши сперва, на какой.

Человек, поразмыслив немного, поднимает левую ногу, перенеся при этом всю свою тяжесть на правую.

– Хорошо, – говорит царь. – А теперь подними и другую ногу тоже.

– Как? Это же невозможно, о повелитель!

– Вот видишь? Вот она, свобода. Ты волен сделать лишь первый выбор, а затем свобода кончается.

Ну а я? Какой выбор был у меня? До какой степени мое тело – это я? Какие отношения связывают нас – меня и мое тело? Действительно ли нас двое или мой разум, с которым мое «я-я» предпочитает себя отождествлять, – всего лишь одна из функций тела и, следовательно, полностью от него зависит? Теперь, когда смерть маячила где-то поблизости, когда мне приходилось ежедневно бороться с болью, смятением, тоской, эти вопросы наполнялись для меня глубоким смыслом, хотя, конечно, ответов на них я найти не мог.

Мне нравилось думать, что мое тело – всего лишь одежда, костюм, который при рождении я взял поносить и который рано или поздно верну (придется вернуть, никуда не денешься) – спокойно, не боясь внезапной наготы. Но так ли это будет? Одно я знал точно: мой «я-разум» осознавал существование моего тела. А вот тело – осознавало ли оно мое существование? Как бы там ни было, пусть теперь знает, что я есть и что оно, тело, не всегда может вытворять все, что ему заблагорассудится!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.